УДК 1 (091)

М. И. Соколова

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗ ЖИЗНИ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В МЫСЛИ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО [1]

СОКОЛОВА Мария Игоревна – кандидат философских наук, доцент кафедры Истории и философии; Санкт-Петербургский Государственный Университет Аэрокосмического Приборостроения.
190000, ул. Большая Морская, 67, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: sokolova_mi_62@mail.ru.

Статья содержит сравнительный анализ трактовки Климентом Александрийским проблематики образования и образа жизни. Сделан вывод об общности способов осмысления этих двух областей. Анализ общих черт позволяет прояснить специфику концепции «истинного гносиса» как результата «взаимонаправленного движения» Бога и человека при сохранении полноты взаимной свободы в их отношениях.

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, ОБРАЗОВАНИЕ, ОБРАЗ ЖИЗНИ, ИСТИННЫЙ ГНОСИС.

Одной из важнейших составляющих мысли Климента Александрийского является осмысление педагогической проблематики, которое включает в себя, с одной стороны, выстраивание философии образования в перспективе христианской мысли, а с другой, в его текстах можно обнаружить своего рода «методические рекомендации», которые являются описанием, свидетельством его непосредственного педагогического опыта. Еще одну очень значительную по объему часть сохранившихся текстов Климента составляет разработка проблематики правильного образа жизни христианина, порой в самых частных, бытовых подробностях. Этому посвящена бо́льшая часть знаменитого *Педагога*. В

[1] При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00813а.

следующем кратком анализе мы попытаемся сосредоточиться на том, как именно соотносятся «педагогическая» и «бытовая» проблематика в творчестве Климента и какие важные для понимания его мысли моменты можно прояснить через такое соотнесение.

В текстах Климента, посященных педагогической проблематике регулярно встречается и разнообразно раскрывается «агротехническая» метафора, понимание роли преподавателя как «божественного земледельца». Возможности этой метафоры он использует во многих контекстах. Вообще необходимость учиться он сравнивает с необходимостью «обрабатывать лозу», чтобы получить плоды, ведь «свести разнообразные знания к истинному учению может лишь человек, основательно ученый» (Strom. I.43.4). Используя этот же образный ряд, подчеркивает необходимость помнить о том, что процессу обучения, так же, как и процессу возрастания и созревания растений присуща определенная динамика и определенные темпы и сроки. Зрелость не наступает слишком быстро или мгновенно (Strom. II. 95–96). «Земледельческие» образы используются и для иллюстрации аргументации необходимости обращаться к «естественным» наукам, которые Климент называет «водой эллинского Логоса» (Strom. I.17; I.37).

Сюжет необходимости обращения к «эллинской» традиции в качестве предварительного образования – один из центральных в *Строматах* и системообразующий для мысли Климента в целом. Здесь он старается соблюсти баланс между аргументацией необходимости изучения «предварительных наук» для стремящегося к «истинному гносису» и недостаточности, нейтральности их относительно истины с другой. Так, необходимость обращения к эллинскому Логосу в качестве пропедевтики обосновывается тем, что «подготовительные упражнения, предшествующие утверждению во Христе, тем не менее, упражняют ум, побуждают разумение, тренируют смекалку, качества, необходимые для погони за истинной философией» (Strom. I.32.4). В первую очередь такие упражнения развивают способность к «умозрительному созерцанию» (Strom. I.33), венчаются диалектикой, которая, одна из всех наук наиболее близко подводит к постижению сущности блага, а кроме того развивает способность к правильным различениям, определениям, учит следить за

ходом доказательства, дает средства защиты от софистов и еретиков, средства аргументации истинного учения. Тем не менее, с другой стороны не менее настойчиво подчеркивает Климент, не следует слишком «задерживаться у чужестранки» (Strom. I.29), потому что, «все же учение Спасителя, будучи Божией силой и Божией “премудростью”, действует всецело своими собственными средствами и не нуждается ни в какой другой помощи; и если присоединить к нему философию, то оно не сделается действеннее» (Strom. I.100.1). И в этом смысле философия относится к Христову учению, единственно истинному пути к истинному гносису как «десерт» или «закуска» к хлебу насущному. Эллинские учения «отличаются от наших», «наше учение касается истинного гносиса, доказательство его точнее и действенность его основана на божественной природе, ибо мы научены самим Богом» (Strom. I.98.4). Далее Климент продолжает: «отсюда следует, что эллины воспитывают душу не так, как мы. У них и приемы воспитания, и обучение совершенно иные» (Ibid.).

Нужно отметить, что в текстах александрийца неоднократно всплывает сюжет различия не просто приемов и подходов эллинской и христианской (Климент вслед за Филоном Александрийским возводит последнюю к «системе воспитания Моисея») педагогической традиции (приемы и пропедевтические дисциплины, как раз могут быть схожими и даже совпадать, о чем было сказано выше), а самих «систем» обучения и воспитания. «… философия также ищет истину и исследует природу вещей… Истина же – это сам Господь, изрекший “Я есмь истина”… Но только тот, кто открыл ее, точнее, получил из рук самой истины, является настоящим посвященным» (Strom. I.32.4).

Принципиально иная цель образования христианина по сравнению с язычником определяет не только содержательные моменты и способ передачи знания («посвящение»). Подлинно христианская традиция образования неразрывно связана со всей определенностью христианского образа жизни в целом, включая даже самые, казалось бы, незначительные бытовые подробности. «Иное образование получает философ, иное ритор, иное атлет: подобным образом и благородный образ жизни, плод христианского воспитания собой обуславливает красоту желаний и стремлений. И что в деятельности воспитано, то отличную внешность

имеет и в походке, и при сидении, вовремя принятия пищи, во время сна, спокойствия, в порядках жизни, во всем, что относится к воспитанности. Это руководство Логоса не является чем-то неопределенным, но представляет собой полную упорядоченность» (Paed. I.12). Внимание Климента к деталям образа жизни трудно переоценить, порой, оно может показаться даже избыточным, если взглянуть на бо́льшую часть *Педагога*, полностью посвященную вопросам не только «благопристойного поведения во время пиршеств», но и употребления духов, украшения драгоценными камнями, поведения в банях, «модничанья мужчин» и т.д. Написанные в основном, в критическом ключе, эти рассуждения могут кому-то показаться даже «брюзжанием» или «ханжеством», чего не скажешь о других текстах Климента. Объяснить этот уклон в телесно-бытовую сторону можно, пожалуй, только пониманием специфики аудитории, которой обращен *Педагог*, понимание же это, вероятно, вытекает из личного педагогического опыта александрийца.

Критикуя «негармоничное» выстраивание «вещного окружения», Климент ищет средства, язык, подходы для описания «правильного», сообразного с Логосом телесного, земного устроения. В этом же ключе написан и текст *Кто из богатых спасется*. Правильное отношение к богатству и правильное употребление земных благ описывается здесь в том же контексте правильно выстаиваемого образа жизни и в выражениях очень близких к тем, что мы встречаем в *Педагоге* (См. Quis div. salv. 1; 21 и др.).

Следующий текст, несмотря на указываемые исследователями литературные аллюзии, все же, вероятно, является и отражением «аудиторного» опыта: «обращающийся непосредственно к присутствующим имеет возможность испытать слушателей временем и решить, кто из них способен понять его слова с тем, чтобы отделить их от остальных. Он вслушивается в их речи, наблюдает за их привычками, образом жизни, жестикуляцией, внешностью, голосом или, как говорят, видит пересеченность и каменистость места, пригодность пути, плодоносность почвы, ее лесистость, годность для выращивания тех или других злаков, возделанность и плодородность» (Strom. I.9.1). Оценивать же состояние учащегося учителю необходимо, чтобы понимать, кто и до какой степени готов к «посвящению». Кому можно доверить истину. И первым условием

возможности такого доверия стороны учителя оказывается первичное доверие (вера, «благорасположенность», готовность принять, послушание) со стороны ученика. Большое количество текстов в *Строматах* посвящено осмыслению веры и доверия как необходимого условия, начала пути к истинному гносису. (См., напр., Strom. II.25.4 и др.). Таким образом, специфика построения образовательного процесса, определенность образа жизни и внешних проявлений, возможность определить внутреннее состояние учащегося по его внешним проявлениям и, наоборот, через правильное выстраивание внешнего образа жизни повлиять на это состояние осмысливается Климентом через ключевые понятия «веры» или «доверия».

Анализу этого понятия, соотношению понятий веры и гносиса посвящено значительное количество исследований. В рамках же настоящей статьи представляется важным продемонстрировать не лежащую на поверхности связь между измерением взаимной открытости, одновременно свободы и доверия – послушания, реализуемым в педагогическом процессе, выстраиваемом в «соответствии с Логосом», и подлинно христианским, «правильным» отношением к вещности и телесности.

В обеих ситуациях – ситуации образовательной, педагогической, направленной на получение знаний и в конце концов, на обретение «истинного гносиса» и в ситуации выстраивния отношений с вещами, богатством, телесностью можно отметить следующие общие, «архетипические» для мысли Климента вообще моменты. И в том и в другом случае идеалом, целью стремления христианина должно выступать достижение своего рода «безразличия», «бесстрастия» (здесь, очевидно, проявляется «стоическая» составляющая мысли александрийца) – об этом говорится в Quis div. salv. 21 по поводу отношения к любому имуществу и об этом же очень подробно говорится, например, в Strom. VI.71 и далее при описании бесстрастности как основного свойства истинного гностика.

О путях достижения этого бесстрастия опять же и в том и в другом случае говориться, что достичь этого человеку лишь своими силами невозможно, но тем не менее необходима все полнота его желания и усердия, направленных навстречу Божественному содействию. «Если человек лишь при помощи своих сил трудится и старается приобрести бесстрастие, то ничего у него не выйдет; если же он обнаружит, что

чрезмерно к этому стремится и о сем ревнует, то стремление его при содействии силы Божией сопровождается успехом» (Quis div. salv. 21). При описании же сущности, необходимых условий процесса обучения часто используются, например, метафоры двух игроков в мяч или магнитного притяжения и т.д. для иллюстрации того, что обучение – всегда «двусторонний» процесс, необходимо не только мастерство обучающего, но и «благорасположенность» слушателей, «естественная плодоносность» учеников. «Без доброй воли и восприимчивости ученика даже наилучшее обучение оказывается бесполезным» (Strom. II.26.1).

Третий момент, важность которого Климент подчеркивает для обеих упомянутых областей – необходимость сознательно осуществляемого последовательного, систематического и неуклонного движения, последовательности усилий, будь то в молитве, организации образа жизни или в обучении. В сущности, это одно и то же движение: «Необходима для достижения ее (истины) и постоянная, равномерно, даже до последнего дня жизни продолжаемая, молитва души твердой и чистой, а также образ жизни и расположений: добрый, закону верный, всесторонне определяющийся заповедями спасителя» (Quis div. Salv. 1). Ср.: «Поскольку же человек не рождается с гносисом, но должен овладевать им, то изучение с самого начала требует соответствующего подхода к нему, воспитания и развития. И только затем, через постоянное упражнение, гносис превращается в предрасположенность, и наконец, достигнув совершенства в мистическом настрое, он держится неизменным силою любви» (Strom. VI.78.4).

«Гармоническая настроенность души» (Strom. I.13), которая обнаруживается «во всем образе жизни», возможна только потому, что она есть «согласие с Логосом». И именно Он является источником, из которого определяется упомянутая специфика христианской «образовательной стратегии» по сравнению с «эллинской». И, как было показно выше, определенность этой настроенности возникает именно и только в таком опыте, который представляет собой динамическое единство «взаимонаправленного движения» Бога и человека при полноте сохранения их взаимной свободы. Об этом говорит Климент как о пути к «истинному гносису» и этот «вкус», «настрой» возникает, ощущается и

закрепляется во сей земной действительности только в таких парадоксальных и специфически христианских отношениях с Богом.

Современный французский богослов О. Клеман говорит в одной из своих работ: «Уникальные своей божественной гармонией ландшафты возникают только вокруг святости, любой монастырь возводит себя к святым основателям и строителям, организуется вокруг святынь небесным заступничеством» [8]. Следуя дальше в такой логике размышлений, можно усмотреть в текстах Климента даже некое предвестие понимания «экологичности» как мироустроения, так и специально педагогического, образовательного процесса. Речь идет, конечно, об экологичности, понятой, как у О. Клемана, в «сакральном» ключе. В контексте обсуждения острейших вопросов сегодняшнего дня об экологичности жизни, образовательных и многих других процессов обращение к текстам Климента Александрийского с его «земедельческими» метафорами может, таким образом, оказаться плодотворным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Климент Александрийский. Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасется. Пер. А. Ю. Братухина. СПб, 2009.

2. Климент Александрийский. Педагог. Пер. Н. Корсунского. Ярославль, 1890.

3. Климент Александрийский. Строматы. Пер. Е.В. Афонасина. Т.1-3. СПб., 2003.

4. Афонасин Е.В. Философия Климента Александрийского. Издательство: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет Новосибирск, 1997. 126 с. ISBN: 5-88119-076-9.

5. Афонасин Е.В. Значение символизма для достижения истинного гносиса в «Строматах» Климента Александрийского. – Автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1996. 27 с.

6. Безрогов В.Г. Александрийский наставник Климент: концептуальные основания регулярного христианского образования // Вестник университета Российской Академии образования.2003. № 2(20). С. 63-122.

7. Иеромонах Иларион (Алфеев). Духовное образование на христианском востоке (I-VI вв.) // Христианское чтение. Журнал Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. 1999. Вып. 18. С. 105-143.

8. Клеман О. Смысл земли. М., ББИ, 2005. С. 56; ISBN: 5-89647-124-6

9. Морескини К. История патристической философии [Stone delta filosofia patristica]. М., Изд-во "Греко-латинский кабинет" Ю. А. Шичалина, 2011. 864 с. ISBN 978-5-87245-170-9.

10. Светлов Р.В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. Моногр. Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1996. 232 с. ISBN: 5-288-01469-8

11. Соколова М.И. Трактовка символа в раннехристианской мысли. – дисс. ….канд. филос. наук. 09.00.03 – История философии. СПб, 2005. 152 с.

12. Шуфрин А.М. Гнозис, Богоявление, Обожение. Климент Александрийский и его источники. Пер. с англ. / Серия Византийская философия. Т. 10. М., 2013. 304 с.

SOKOLOVA Maria I. – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. 190000, Bolshaya Morskaya str. 67, Saint Petersburg, Russia. E-mail: mstrelna@mail.ru

CLEMENT OF ALEXANDRIA OF EDUCATION AND THE WAY OF LIFE.

In this paper we give a comparative analysis of the views of Clement of Alexandria on the problems of education and the way of life. We argue that his interpretation of these two areas shows a degree of similarity. Analysis of commonalities allows to make clear the concept of true gnosis, which is the result of reciprocal intent of God and man accompanied with complete freedom of their relations.

CLEMENT OF ALEXANDRIA; EDUCATION; WAY OF LIFE; TRUE CHRISTIAN GNOSIS.